Античная древность и средние века. 2023. Т. 51. С. 313–330

УДК 94(495)”13/14”+911/37:327.29(497)+94(560)+94(100)”5/…”
DOI 10.15826/adsv.2023.51.018

Т. В. Кущ

Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

МИСТРА КАК *ALTERUM BYZANTIUM*

Исследование посвящено истории Мистры, которая в поздневизантийское время являлась столицей Морейского деспотата и оплотом византийской власти на Пелопоннесе. Возникшая в середине XIII в., она относится историками к «новым городам», которые формировались без ориентации на античную архитектурную традицию. Своеобразие исторического развития Мистры определялось ее отдаленностью от морского побережья и природно-ландшафтным фактором – город возник на склоне холма. Это оказало влияние на принципы планировки, характер частной и общественной застройки, архитектурные решения. Несмотря на это, облик города формировался под влиянием византийской столицы. Существенную роль в судьбе Мистры сыграла значительная автономия деспотов Мореи от Константинополя. Мистра была прежде всего административным центром, в котором деспоты создали по аналогии с имперской столицей собственный двор и штат чиновников. Со второй половины XIV в. Мистра оспаривала у Константинополя статус культурной столицы империи. Расцвет наук и интеллектуальный взлет Мистры, а также возросшее политическое значение делали ее *alterum Byzantium* («Вторым Константинополем»). В Мистре, как и в столице, была воплощена «имперская идея», реализуемая в четкой дворцовой иерархии, блеске дворца, богатстве городских построек, культурном превосходстве.

Ключевые слова: поздняя Византия; Морея; Мистра; Константинополь; деспоты Мореи; образ города; топография города

Цитирование: *Кущ Т. В.* Мистра как *alterum Byzantium* // Античная древность и средние века. 2023. Т. 51. С. 313–330. https://doi.org/10.15826/adsv.2023.51.018

Поступила в редакцию: 20.08.2023
Принята к печати: 12.10.2023

Tatiana V. Kushch

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

MISTRA AS *ALTERUM BYZANTIUM*

This research addresses the history of Mistra, which in the Late Byzantine Period was the capital of the Despotate of Morea and the Byzantine stronghold in the Peloponnesos. The historians have interpreted Mistra, which appeared in the thirteenth century,

© Кущ Т. В., 2023

as one of the "new cities/towns," which shaped with no concern to classical architectural tradition. The feature of historical development of Mistra was determined by its position at a distance from the seacoast combined with the natural landscape factor, as the city appeared at a hillside. This influenced the city-planning regulations, the nature of the private and public urban buildings, and the architectural features. Nevertheless, the city appearance shaped under the influence of the Byzantine capital. A considerable role in the history of Mistra was played by a great degree of autonomy of the *despotai* of the Morea from Constantinople. Mistra primarily was the administrative centre, where the *despotai* created their own court and a team of officials following the parallels with the imperial capital. From the second half of the fourteenth century on, Mistra's status of cultural capital of the empire rivalled that of Constantinople. The climax of sciences and intellectual surge in Mistra, combined with the latter's growing political importance, made it *alterum Byzantium* ("Second Constantinople"). Similarly to the capital, Mistra embodied the "imperial idea," which was realized in the definite court hierarchy, glittering palace, rich urban buildings, and cultural superiority.

Keywords: Late Byzantium; Morea; Mistra; Constantinople; *despotai* of the Morea; city image; urban topography

For citation: Kushch, T. V. (2023). Mistra kak *alterum Byzantium* [Mistra as *alterum Byzantium*]. *Antichnaya drevnost'i srednie veka*, *51*, 313–330. https://doi.org/10.15826/adsv.2023.51.018

Submitted: 20.08.2023
Accepted: 12.10.2023

Среди византийских городов Мистра, расположенная на Пелопоннесе в области Лакония, занимает особое место. Ее рождение и взлет, в отличие от многих городских центров империи, пришлись на заключительный этап византийской истории, а ее захват османами в 1460 г. погасил последний очаг византийской государственности и обрек на скитания семью деспота Фомы Палеолога. Именно Мистра с момента своего возникновения стала тем плацдармом, который позволял ромеям отвоевывать у крестоносцев, утвердившихся на Пелопоннесе после Четвертого крестового похода, бывшие греческие владения и возвращать их в орбиту византийского влияния. Город, таким образом, олицетворял собой имперские притязания восстановленной в 1261 г. Византии. Напоминал ли этот город, возникший лишь в XIII в., Второй Рим, который служил идеальной моделью и образцом для подражания всем городам византийской ойкумены? Какие параллели с градом Константина можно обнаружить в столице Морейского деспотата – последнем оплоте византийцев на Балканах? Можно ли гово-

рить о том, что Мистра являлась *alterum Byzantium* («вторым Константинополем»)[1]? Об этом и пойдет далее речь.

На первый взгляд, параллели между Мистрой и Константинополем могут показаться неуместными. Но только на первый взгляд. Хотя эти города не похожи ни топографически, ни исторически, аналогии все же можно найти. Более того, Мистра, на мой взгляд, в поздневизантийский период могла претендовать на звание «второго Константинополя»[2], по крайней мере с точки зрения ее политического значения и роли в культурной жизни империи.

Мистра, возникшая лишь в середине XIII в., относится некоторыми историками к «новым городам»[3]. Она не имела богатого прошлого, тогда как история Константинополя, часто фигурировавшего в источниках под своим древним именем Βυζάντιον («Византий»), измерялась столетиями. Да и основателями города на отрогах Тайгета в долине реки Эврот были вовсе не греки – укрепленный замок, в дальнейшем разросшийся до крупного городского поселения, был построен крестоносцами после захвата Пелопоннеса. Согласно Морейской хронике, Гийом II Виллардуэн, один из лидеров крестоносцев, увидел холм, идеально подходивший для решения стоявших перед ними стратегических задач, и приказал построить на нем крепость, названную Мизитрой[4]. Датой строительства ее принято считать 1249 г.[5] Под стены цитадели, ища защиты, стало переселяться население, жившее в окрестностях древней Спарты, которая возродилась

---

[1] Подобное сравнение Виссарион Никейский использовал применительно к Венеции. В письме 1468 г., адресованном венецианскому дожу, кардинал назвал эту морскую республику *quasi alterum Byzantium* («как второй Византий»), желая подчеркнуть ее сходство с идеальной моделью, которую для византийца воплощал собой Константинополь (*Labowsky L.* Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories. Rome, 1979. P. 147–149; *Geanakoplos D. J.* Byzantine East and Latin West: Two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Studies in Ecclesiastical and Cultural History. Oxford, 1966. P. 116).

[2] Авторы статьи о Мистре в «Православной энциклопедии» отметили, что «город на время превратился в некое подобие второй столицы империи» (*Зверев А. С., Попов И. Н.* Мистра // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 45. С. 413).

[3] *Zakithinos D. A.* Le despotat grec de Morée. T. 2: Vie et institutions. Paris, 1953. P. 169.

[4] The Cronicle of Morea / ed. J. Schmitt. London, 1904. P. 201.2985–2990.

[5] *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 13.

в IX в. под названием Лакедемон[6]. В 1262 г. Гийом вынужден был отдать грекам, наряду с другими крепостями (Монемвасией, Майной), и «прекрасную Мизитру»[7] за свое освобождение из плена, в котором оказался после поражения в битве при Пелагонии 1259 г.[8] С этого момента и начинается история византийской Мистры, превратившейся в один из главных ромейских городов восстановленной в 1261 г. Византийской империи. Город стал быстро расти за счет активного переселения греков Лаконии и других областей Пелопоннеса, бежавших с франкских земель под защиту ромейских правителей[9].

Для нового греческого города, возникшего фактически на пустом месте, было сконструировано и «великое прошлое». Историческое мышление византийцев, ориентированное на традицию, нуждалось в подобной «связи времен», дававшей им ощущение длительной собственной истории, что требовало свидетельств непрерывности здесь городской жизни на протяжении многих столетий. Найти же генетическую связь Мистры с древней историей греков не составило особого труда. В нескольких километрах от нее находилась древнегреческая Спарта – именно ее и стали рассматривать как предтечу нового ромейского города. Неслучайно жителей Мистры часто именовали спартиотами. Так, Исидор Киевский порой называл Мистру Спартой[10] или родиной спартанцев[11].

Итальянский гуманист Кириако Анконский, побывавший на Пелопоннесе в 1448 г., отразил в своих дневниках существовавшие среди местных жителей представления об исторической преемственности Мистры и Спарты. Гуманист посетил Леонтари, где был принят деспотом Фомой, осмотрел Мистру и ее окрестности. Заманчиво, конечно, думать, что «отец со-

---

[6] *Bouras Ch*. Cities and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 1981. Bd. 31. T. 1. P. 621.

[7] The Cronicle of Morea. P. 287.4331.

[8] *Медведев И. П*. Мистра… С. 14.

[9] *Runciman S*. The Lost Capital of Byzantium. The History of Mistra and the Peloponnese. London ; New York, 2010. P. 36; *Белоруссова Т. Е*. Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г. // АДСВ. 2021. Т. 49. С. 245–246.

[10] Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis) / ed. W. Regel // Analecta Byzantino-Russica / ed. W. Regel. СПб., 1891. С. 64.20.

[11] Ibid. C. 66.28.

временной классической археологии», как зачастую историки именуют Кириако[12], мог увидеть при дворе деспота и Зою (более известную как Софья Палеолог), но это не более чем гипотеза, учитывая в том числе дискуссионность вопроса о дате ее рождения[13]. Сообщая о своей поездке в Мистру, где он встретился со «славно правившим деспотом» Константином Драгашем[14], вскоре ставшим императором Константином XI, Кириако записал в своем дневнике следующее: «В третью календу августа из лаконской крепости Леондари в сопровождении слуг деспота Фомы Палеолога мы прибыли в спартанское предгорье Тайгет. Там вблизи древнего и когда-то знаменитого города Лакедемон около 30 стадий выше реки расположен неприступный город, который ныне называется *Spartoboune* или *Misistrate* (Σπαρτόβούνην Μυσιστράτηντε)»[15]. Так, древнегреческая Спарта и византийская Мистра в восприятии ромеев, от которых он и услышал эти названия, фактически были неотделимы друг от друга. Действительно, тот же Кириако часто именует город «спартанской Мистрой» (*Spartanam Mysythratem*)[16]. Коллективное воображаемое, соединившее эти два города, являлось основой исторической памяти мистриотов о своем прошлом. В прогулках по руинам древнегреческого полиса Кириако сопровождал будущий историк Лаоник Халкокондил, который, вероятно, и рассказывал итальянцу о древностях – молчаливых свидетелях былого величия греков. Кириако с воодушевлением человека эпохи Возрождения всматривался в «древние и знаменитые остатки города Спарты, которые “недостаточно увидеть единожды”» и которые пребывали к тому времени в разрухе и запустении «из-за разрушительного действия времени и ленивого равнодушия последующих обитателей»[17]. Свидетельство Кириако наглядно иллюстрирует бытовавшее в греческой среде представление о славной и древней истории города.

---

[12] Cyriac of Ancona. Later Travels / ed. and transl. by E. W. Bodnar with C. Foss. Cambridge, Mass. ; London, 2003. P. IX.

[13] *Матасова Т. А*. Софья Палеолог. М., 2016. С. 13.

[14] Cyriac of Ancona. Later Travels. P. 298.

[15] Ibid.

[16] Ibid. P. 330, 338.

[17] Ibid. P. 300.

Мистра, как и многие византийские города (Константинополь, Фессалоника), имела своего небесного заступника – св. Андрея Первозванного, которого греки называли апостолом Мизитры[18], хотя сам апостол побывал лишь в северной части Пелопоннеса – в Патрах, где, согласно преданию, и принял мученическую смерть. Именно в Патрах на протяжении многих столетий хранилась его глава как особо чтимая реликвия[19]. Деспот Фома, бежавший с семьей на Корфу от османского завоевания, прихватил с собой эту бесценную святыню, которую позже передал на хранение папе римскому Пию II. В византийскую эпоху на Пелопоннесе почитание апостола было широко распространено. В тот период, когда возникла Мистра, Патры находились под властью франков, что могло способствовать «перенесению» греками культа апостола в Мистру, которую они и передали под его небесное покровительство. Так конструировалось христианское прошлое города, а вера мистриотов в заступничество высших сил имела ту же природу, что и коллективные представления о богохранимости константинопольцев, уповавших на покровительство Богоматери[20].

Топографически Мистра кардинально отличалась от Константинополя. Особенности ее городской застройки были предопределены природно-географическими факторами: на склонах холма, вершину которого венчала крепость Виллардуэна, сложно было применить принципы гипподамовой системы, на которую обычно равнялись византийские города, возникшие в ранневизантийское время. Константинополь, раскинувшийся на семи холмах, все же ориентировался на регулярную планировку. Единственный холм Мистры сложно было подчинить принципам регулярности. В планировке городского пространства важную роль играло терасирование, позволявшее выровнять площадки для городских построек, но не дававшее возможности разбить площади и про-

---

[18] *Медведев И. П.* Мистра… С. 66. И. П. Медведев ссылается на мемуары путешественника XVII в. Ла Гилетьера, отмечавшего, что «все греки называют апостолом Мизитры св. Андрея» (Там же. С. 76, сн. 3).

[19] *Виноградов А. Ю., Сургуладзе М., Анохина Т. В., Лосева О. В.* Андрей Первозванный // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 375.

[20] *Pentcheva D.* The Supernatual Protector of Constantinople: The Virgin and Her Icon in the Tradition of the Avar Siege // BMGS. 2002. Vol. 26. P. 4.

ложить широкие улицы[21]. В силу своей специфики город делился на цитадель (крепость Виллардуэна), верхний (Κάστρο) и нижний город (Μεσοχώριον)[22]. Верхний город был менее удобен для жизни прежде всего из-за сложности подвоза воды, в силу чего более заселенной оставалась нижняя часть города, где эту проблему было легче решить[23]. Система водоснабжения, игравшая важную роль в обеспечении стратегической безопасности и потребностей ремесленного производства, действовала на тех же принципах, что и в других городах империи, – были возведены цистерны и акведук, проложен водопровод[24].

Однако на этом топографические особенности Мистры не заканчивались. В условиях холмистой местности труднее было выдержать квартальную застройку (хотя она и присутствовала), столь характерную для византийских городских поселений. Дома в Мистре тянулись вдоль улиц, ярусами проложенных на террасированном склоне. В отличие от столицы, здесь не сложились особые аристократические кварталы – усадьбы богатых, разбросанные по разным концам города и на разных его уровнях, могли быть окружены домами бедняков[25]. Конечно, наиболее респектабельные дома располагались поблизости от дворца деспота, являвшегося центром общественной жизни города (ил. 1). Хорошо сохранившиеся руины этого поздневизантийского города позволяют оценить красоту дворцов местной знати – просторные комнаты, огромные окна, из которых открывался захватывающий вид на долину, хорошо обустроенные кухни и ванные комнаты, широкие балконы[26]. Внешним и внутренним убранством эти дома были похожи на столичные образцы – в Мистре следовали общевизантийской архитектурной традиции. В отличие от Константинополя, в котором со второй половины XIVв.

---

[21] *Runciman S.* The Lost Capital of Byzantium… P. 91.

[22] *Bouras Ch.* Cities and Village… P. 632.

[23] *Runciman S.* The Lost Capital of Byzantium… P. 91.

[24] *Bouras Ch.* Cities and Village… P. 643.

[25] Ibid.

[26] *Orlandos A. K.* Quelques notes complémentaires sur les maisons paléologuiennes de Mistra // Art et société á Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en Septembre 1968. Venice, 1971. P. 72–82.

фактически не велось активного городского строительства, а сам город постепенно приходил в упадок и запустение[27], Мистра, наоборот, в тот период переживала небывалый строительный бум: возводились и пышно декорировались храмы (церковь Св. Софии, церковь Богоматери Перивлепты, монастырь Богоматери Пантанассы), появлялись богатые особняки местной знати, перестраивался и расширялся дворец деспота.

Ил. 1. Мистра. Вид на дворец деспота (по: https://www.re-thinkingthefuture.com/travel-and-architecture/a2378–10-reasons-why-architects-must-visit-greece/?related_post_from=179475)

Fig. 1. Mistra. View of the *Despotes'* Palace (after: https://www.re-thinkingthefuture.com/travel-and-architecture/a2378–10-reasons-why-architects-must-visit-greece/?related_post_from=179475)

В Мистре, как и в Константинополе, была «своя Меса»[28] – главная улица, насквозь прорезавшая город, но в силу географических особенностей она вела, петляя, от ворот нижнего города

[27] Об этом, в частности, свидетельствует испанский идальго Перо Тафур, побывавший в Константинополе в 1438 г. Он отмечал, что квартал вокруг храма Св. Софии «находится по большей части в плохом состоянии» (Перо Тафур. Странствия и путешествия / пер., предисл. и коммент. Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006. 171), а сам город «очень редко заселен, отдельными кварталами, но на берегу моря людей больше; хорошо одетых людей нет, все больше уныло и бедно, в чем очевиден упадок» (Там же. 181).

[28] Так называлась центральная улица Константинополя.

к вершине холма, к цитадели (ил. 2)[29]. Сложно было создать в городе и площади (форумы) – столь характерный элемент городской планировки не только столицы, но и многих провинциальных центров, формировавшихся еще в ранневизантийскую эпоху. Единственная площадь раскинулась перед дворцом деспота, расположенном на природном уступе[30]. Именно она служила местом проведения официальных церемоний и празднеств. Здесь сказались не только особенности местности, малопригодной для организации подобных общественных пространств – изменились и ценностные установки византийцев, что отразилось и в градостроительстве. Жители Мистры, как и многих других «новых городов», возникших после периода «темных веков», начиная с IX в., в меньшей степени ориентировались на античные представления о том, как должен быть обустроен город, что вело к снижению значимости общественных мест, преобладанию вернакулярного стиля архитектуры и спонтанности городской застройки, продиктованной личными потребностями горожан[31].

Ил. 2. Главная улица Мистры. 2016. *Фото автора*

Fig. 2. The main street of Mistra. 2016. *Photo: the author*

[29] *Bouras Ch*. Cities and Village… P. 632.

[30] Ibid.

[31] Ibid. P. 618–619, 653.

Главным придворным храмом являлась расположенная недалеко от дворца церковь Св. Софии, возведенная между 1351 и 1365 гг. при Мануиле Кантакузине, которую посещала семья деспота и где проходили церемонии с ее участием (ил. 3). Выбор посвящения церкви, кажется, был не случаен – угадывается подражание главному столичному храму. Безусловно, это подражание было более символическим и идеологическим, нежели попыткой воспроизвести внешний облик прототипа[32]. Действительно, этой церкви была отведена, по аналогии с Софией Константинопольской, ключевая роль в официальной жизни города. Церковь Св. Софии в Мистре стала также усыпальницей членов правящего дома – здесь были погребены первая жена Константина XI Феодора Токко (ум. 1429 г.) и жена Феодора II Палеолога Клеопа Малатеста (ум. 1433 г.).

Ил. 3. Церковь Св. Софии. Мистра. 2016. *Фото автора*

Fig. 3. Hagia Sophia Church. Mistra. 2016. *Photo: the author*

[32] Символическая параллель с Софией Константинопольской прослеживается и в церкви Св. Софии в Трапезунде, возведенной в середине XIII в. Великими Комнинами (*Eastmond A*. Art and Identity in Thirteenth Century Byzantium. Hagia Sophia and the Empire of Trebizond. Aldershot ; Burlington, 2004. P. 20).

В отличие от Константинополя, в жизни которого море играло решающую роль, Мистра не являлась талассополисом. Расположенная вдали от берега, она поддерживала связь с внешним миром через морские порты, такие как, например, Гитио. Кириако, посетивший этот древний порт, назвал Гитио «важным городом на лаконийском побережье и знаменитой морской базой Лакедемона (*nobile Lacedaemonum urbis*)»[33]. Корабль, на котором в 1411 г. прибыл на Пелопоннес Исидор Киевский, пристал к небольшой лаконской гавани Витила (παρὰ τὸν τῶν Βιτυλαίων λιμένα), «города древнего и эллинского»[34], откуда митрополит уже и добирался до Мистры. В экономической жизни Мистры географический фактор сыграл существенную роль: удаленность от моря и изолированность от международного рынка определили ориентацию местного производства на внутренние потребности и зависимость местного рынка от венецианских товаров из близлежащих Корона и Модона, колоний Республики Св. Марка[35]. Мистре отводилась пассивная и довольно скромная роль в экономической жизни региона.

Город в большей степени имел административное значение, будучи политическим центром державы Палеологов в регионе. В этом смысле Мистра стала своего рода «малым Константинополем», особенно во второй половине XIV – первой половине XV в., когда усилилась политическая автономия деспотата. Морея по сути превратилась в удельное владение[36], что проявилось еще при деспоте Мануиле Кантакузине (1348–1380), а затем стало нормой при Матфее Кантакузине (1380–1383) и наместниках из дома Палеологов – Феодоре I (1383–1407), Феодоре II (1407–1443), Константине (1428–1448). Несмотря на то, что морейские деспоты в целом действовали в русле общеимперской политики, они были вполне самостоятельны во внутри- и внешнеполитических делах. Неслучайно главной городской доминантой стал дворец деспотов – средоточие власти местных, по сути, полновластных правителей. Напрашивается параллель между дворцом деспотов и Большим

---

[33] Cyriac of Ancona. Later Travels… P. 326.

[34] Epistolae Isidori hieromonachi… P. 65.

[35] *Медведев И. П.* Мистра… С. 88–89.

[36] *Barker J.* The Problem of Apanage in Byzantium During the Palaiologan Period // Byzantina. 1971. T. 3. P. 114–115.

и Влахернским дворцами Константинополя[37], – очевидно, деспоты, обустраивая свою резиденцию, ориентировались, прежде всего в символическом и идейном плане, на столичный образец.

В Морейском деспотате к концу XIV в. оформилась собственная политическая элита, что отражало общевизантийскую тенденцию к усилению роли провинциальной аристократии[38]. Вокруг деспотов сложился двор, где воспроизводилась та же иерархия чинов, что и в Константинополе[39]. В итоге, на уровне деспотата, где существовали должности общеимперской номенклатуры, происходило дублирование (конечно, в усеченном варианте) столичной чиновной иерархии[40]. Так, если прежде должность месадзона – одна из ключевых в центральном правительстве – существовала только при императорском дворе[41], то в XV в. она появилась и в Морее. Пост месадзона, в частности в 1445 г., занимал Эвдемоноиоанн[42], который сопровождал деспота в его поездках по разным частям Пелопоннеса и вместе с ним решал текущие политические дела[43].

---

[37] О проблеме визуальной репрезентации власти местных правителей на примере Трапезунда и его архитектурных и изобразительных памятников, включая дворец и церковь Св. Софии, см.: *Бардашова Т. Н.* Аспект визуального в системе идеологической пропаганды династии Великих Комнинов в Трапезундской империи (1204–1461) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. Т. 20, № 3. С. 79–91.

[38] *Laiou A.* The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: A Story of Arrested Development // Viator. 1973. Vol. 4. P. 148–150.

[39] Поздневизантийская табель о рангах представлена в трактате Псевдо-Кодина (середина XIV в.), см.: Pseudo-Kodines. Traité des offices / introd., texte et traduction par J. Verpeaux. Paris, 1966. P. 133–140. См. также: *Поляковская М. А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 149–174; Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies / tr. R. Macrides, J. Munitiz, D. Angelov. Farnham, 2013. P. 296–450.

[40] *Кущ Т. В.* Политическая элита при Мануиле II Палеологе: эволюция придворной иерархии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 5. С. 129–136.

[41] *Beck H.-G.* Der byzantinische “Ministerpräsident” // BZ. 1955. Bd. 48. S. 316.

[42] Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Hrsg. E. Trapp et al. Wien, 1978. Fasz. 3. № 6221.

[43] Georgios Sphrantzes. Memorii, 1401–1477 / ed. V. Grecu. Bucharest, 1966. § XXVII,4.

Деспоты, опиравшиеся на местную элиту, жаловали ее представителям титулы и чины. Сама же знать укрепляла свои позиции в том числе благодаря внутриклановым брачным союзам и родству с правящим домом. В частности, поздневизантийский историк Георгий Сфрандзи, соратник морейского правителя Константина, женился на Елене, представительнице знатной семьи из Мистры, дочери секретаря Алексея Палеолога Цамплака, а крестным отцом своих детей пригласил стать самого деспота[44]. Эти родственные связи способствовали продвижению по службе, и Сфрандзи в своей «Хронике» привел слова деспота, произнесенные при назначении на высокую должность: «Я дал тебе Мистру (в управление. – *Т. К.*) за твою хорошую службу и из-за нашего с тобой кумовства…»[45]. На время отсутствия деспота Георгий Сфрандзи, остававшийся в Мистре, управлял всеми делами в городе. Местная знать, служившая деспоту, была слабо связана с центральной властью. В письме брату Феодору, деспоту Мореи, император Мануил II (1391–1425) заметил об одном из приближенных деспота, который посетил столицу: «Он, конечно, не мог не понимать, что служить мне и служить тебе – одно и то же»[46], но, вероятно, местные чиновники думали иначе. Мануил II Палеолог несколько раз за время своего правления посещал Мистру, демонстрируя верховную власть. Как заметил Иоанн Хортасмен, во время визита на Пелопоннес император «привел все к должному», устранил там нарушения, покарал зло и вознаградил добро[47]. И хотя василевс сохранял за собой верховную власть в империи, деспоты фактически самостоятельно правили в своих землях, окружив себя собственной знатью. Так, двор деспотов в Мистре, организованный по подобию императорского двора в Константинополе, к XV в. превратился в еще один политический центр империи.

Со второй половины XIV в. и до конца византийской истории Мистра могла соперничать с Константинополем и по насыщенности культурной жизни, оспаривая его статус центра образованности

---

[44] *Grecu V*. Georgios Sphrantzes // BS. 1965. Vol. 26. T. 1. S. 63.

[45] Georgios Sphrantzes. Memorii… § XXVII,2.

[46] The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. G. T. Dennis. Washington, 1977. Ep. 13.22–23.

[47] Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften / publ. H. Hunger. Wien, 1969. P. 199. Ep. 42.10–11.

и науки[48]. В городе работали скриптории, из которых выходили богато украшенные манускрипты[49]. Нам даже известны имена двух писцов, трудившихся здесь. Так, Мануил Цикандилис в 1360–1370-е гг. работал в Мистре над созданием нескольких рукописей – две из них содержали труды Иоанна Кантакузина[50]. Другой писец, Николай Буллот Агаллоис, в 1447 г. переписал рукопись, хранящуюся ныне в Париже (Par. 2005), в которую вошли одно из риторических сочинений Плифона и синопсис юридического свода «Василики»[51]. В экспозиции местного музея, расположившегося ныне в Митрополии, можно увидеть некоторые образцы книг, созданных местными копиистами. При монастырях существовали довольно богатые библиотеки. В этом морейском городе провел последние годы своей жизни экс-император Иоанн Кантакузин, продолжавший отсюда вести полемику с противниками исихазма[52]; здесь началась научная деятельность Виссариона Никейского. В Мистре была написана известная сатира Мазариса «Путешествие в ад» – одно из византийских подражаний Лукиану[53]. И все же культурный взлет города связан прежде всего с именем Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360–1452), который прожил в Мистре, куда переселился из столицы в 1409 г., значительную часть жизни. Здесь он до самой смерти занимал должность вселенского судьи, которая обеспечивала ему определенный доход[54]. Но все же главным его занятием были наука и преподавание[55]. Слава о нем и его школе быстро распространилась по империи, и Мистра стала центром притяжения

---

[48] Ζακυθηνὸς Δ. Α. Ἰδεολογιαὶ συγκρουσεις είς τὴν πολιορκουμένην Κωνσταντινούπολιν // Νεά Ἑστια. 1950. Τ. 47. Σ. 798; *Кущ Т. В.* На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 54.

[49] *Zakithinos D. A.* Le despotat grec de Morée… P. 316–319.

[50] *Vogel M.*, *Gardhausen V.* Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909. S. 281–282.

[51] Ibid. S. 346.

[52] *Медведев И. П.* Мистра… С. 96.

[53] *Lambros S.* Mazaris und seine Werke // BZ. 1896. Bd. 5. S. 63–74; *Медведев И. П.* Мистра… С. 98.

[54] Georgios Gemistos Plethon. Politik, Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355–1452) / übers. und erl. von W. Blum. Stuttgart, 1988. S. 28.

[55] О вкладе Плифона в византийскую культуру см.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997; *Woodhouse C. M.* George Gemistos Plethon: The Last of Hellenes. Oxford, 1986.

для всех, кто стремился к постижению мудрости под его руководством. Вокруг «философа Мистры», как назвал его немецкий ученый В. Блюм[56], сложился кружок, куда входили в разное время известные интеллектуалы: Виссарион, Иоанн Евгеник, Лаоник Халкокондил, Иоанн Докиан, Иоанн Мосх, «любимец и секретарь» философа Димитрий Рауль Кавакис[57]. Будущий кардинал Виссарион под руководством Плифона изучал философию Платона, математику и другие науки, и под влиянием учителя формировалось его мировоззрение и латинофильские взгляды[58]. Целью визита Кириако Анконского в Мистру было желание, как он пишет, встретиться с Плифоном, «выдающимся человеком, самым ученым из греков в наше время, и, если я могу сказать так, человеком, который является блестящим и самым влиятельным философом в платоновской традиции»[59]. Кроме того, гуманист повстречался там с «молодым афинянином Лаоником Халкокондилом, который знает греческую и латинскую науки»[60].

О том, что мистриоты ценили риторику, свидетельствует Исидор Киевский, который по поручению Мануила II Палеолога прибыл в 1411 г. в Мистру, чтобы представить при дворе составленную императором «Надгробную речь» в память об умершем в 1407 г. деспоте Феодоре I. В присутствии правящего деспота, духовных лиц, знатных особ и горожан была зачитана пространная эпитафия, которой рукоплескали слушатели, оценившие «стройность выражений, связки слов, красоту речевых оборотов, построение умозаключений и вообще гармонию всей речи и изумительную музыку целого»[61]. Подобные литературные чтения часто устраивались и при императорском дворе в Константинополе. Интеллектуальные кружки, в которых проводились выступления риторов, философские диспуты, чтения эпистолярных сочинений, действовали при дворе двух наиболее образованных византийских императоров – Андроника II и Мануила II[62]. И хотя деспоты

---

[56] Georgios Gemistos Plethon. Politik, Philosophie und Rhetorik… S. 2.

[57] *Медведев И. П.* Византийский гуманизм… С. 62–63.

[58] *Woodhouse C. M.* George Gemistos Plethon… P. 32.

[59] Cyriac of Ancona. Later Travels… P. 298.

[60] Ibid.

[61] Epistolae Isidori hieromonachi… P. 67.18–21.

[62] О литературных кружках в палеологовское время см.: *Кущ Т. В.* На закате империи… С. 137–151.

Мореи сами не тяготели к литературным занятиям, они охотно покровительствовали интеллектуалам, в частности, тому же Плифону, с которым с удовольствием вели беседы на философские темы[63]. Плифон не только критиковал положение дел на Пелопоннесе и политику властей, но и предложил развернутую программу реформ, предполагавшую преобразования в системе управления, военной организации, налоговой, экономической и социальной сфере[64]. Так, при дворе морейских деспотов звучал голос интеллектуалов, а сами они играли в политической жизни весьма значительную роль. Последние полвека византийской истории Мистра, переживавшая небывалый культурный расцвет, явно выигрывала в негласном соперничестве с Константинополем.

Мистра, столь похожая и непохожая на Константинополь, всегда равнялась на образ идеального города, который для византийцев воплощался в граде Константина. Этот морейский город, центр византийской власти на Пелопоннесе, без сомнения, смог стать «вторым Византием», «малым Константинополем». В нем, как и в столице, была воплощена «имперская идея», реализуемая в четкой дворцовой иерархии, блеске дворца, богатстве городских построек, культурном превосходстве. На завершающем отрезке византийской истории Мистра даже в чем-то превзошла Константинополь, по крайней мере, статус «культурной столицы» империи она могла бы носить по праву. Для морейских деспотов, включая Фому Палеолога, этот город являлся таким же символом империи, как и «Второй Рим». Возможно, Мистра для обреченной на скитание семьи последнего деспота и других греческих эмигрантов, бежавших в Италию после захвата города османами в 1460 г., стала воплощением утраченного отечества.

REFERENCES

Bardashova, T. N. (2015). Aspekt vizual'nogo v sisteme ideologicheskoi propagandy dinastii Velikikh Komninov v Trapezundskoi imperii (1204–1461) [The Imperial Visual Propaganda in the Empire of Trebizond (1204–1461)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4*, *Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, *20*(3), 79–91. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.3.8

Barker, J. (1971). The Problem of Apanage in Byzantium During the Palaiologan Period. *Byzantina*, *3*, 103–122.

[63] *Woodhouse C. M.* George Gemistos Plethon… P. 36–40.

[64] Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах / пер. и предисл. Б. Т. Горянова // ВВ. 1953. Т. 6. С. 386–414.

Beck, H.-G. (1955). Der byzantinische “Ministerpräsident”. *Byzantinische Zeitschrift*, *48*, 309–338.

Belorussova, T. E. (2021). Integratsionnye protsessy v polietnichnom obshchestve Peloponnesa posle vizantiiskoi restavratsii 1262 g. [Integration Processes in the Polyethnic Society of the Peloponnesos after the Byzantine Restoration of 1262]. *Antichnaya drevnost’ i srednie veka*, *49*, 240–253. https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.016

Blum, W. (Ed.). (1988). *Georgios Gemistos Plethon. Politik*, *Philosophie und Rhetorik im spätbyzantinischen Reich (1355–1452)*. Stuttgart: A. Hiersemann.

Bouras, Ch. (1981). Cities and Village: Urban Design and Architecture. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, *31*(1), 611–653.

Bodnar, E. W., & Foss, C. (Eds.). (2003). *Cyriac of Ancona. Later Travels*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.

Dennis, G. T. (Ed.). (1977). *The Letters of Manuel II Palaeologus*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Eastmond, A. (2004). *Art and Identity in Thirteenth Century Byzantium. Hagia Sophia and the Empire of Trebizond*. Aldershot; Burlington: University of Birmingham.

Geanakoplos, D. J. (1966). *Byzantine East and Latin West: Two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Studies in Ecclesiastical and Cultural History*. Oxford: Basil Blackwell.

Goryanov, B. T. (Ed.). (1953). Georgii Gemist Plifon. Rechi o reformakh [Georgios Gemistos Plethon. Speeches About Reforms]. *Vizantiiskii vremennik*, *6*, 386–414.

Grecu, V. (1965). Georgios Sphrantzes. *Byzantinoslavica*, *26*(1), 62–65.

Grecu, V. (Ed.). (1966). *Georgios Sphrantzes. Memorii*, *1401–1477*. Bucharest: Editura academiei republicii populare Romine.

Hunger, H. (Ed.). (1969). *Johannes Chortasmenos. Briefe*, *Gedichte und kleine Schriften*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Kushch, T. V. (2013). *Na zakate imperii: intellektual’naia sreda pozdnei Vizantii* [At Sunset of Empire: The Intellectual Milieu of The Late Byzantium]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Kushch, T. V. (2016). Politicheskaia elita pri Manuile II Paleologe: evoliutsiia pridvornoi ierarkhii [Political Elite under Manuel II Palaiologos: The Evolution of the Court Hierarchy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4*, *Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, *21*(5), 129–136. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.5.12

Labowsky, L. (1979). *Bessarion’s Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories*. Rome: Edizioni di Storia e Letteratura.

Laiou, A. (1973). The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: A Story of Arrested Development. *Viator*, *4*, 131–151.

Lambros, S. (1896). Mazaris und seine Werke. *Byzantinische Zeitschrift*, *5*, 63–74.

Macrides, R., Munitiz, J., & Angelov, D. (Trans.). (2013). *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham: Ashgate.

Masiel’ Sanches, L. K. (Trans.). (2006). *Pero Tafur. Stranstviia i puteshestviia* [Pero Tafur. Travels and Adventures]. Moscow: Indrik.

Matasova, T. A. (2016). *Sof’ia Paleolog* [Sophia Palaiologina]. Moscow: Molodaia gvardiia.

Medvedev, I. P. (1973). *Mistra. Ocherki istorii i kul’tury pozdnevizantiiskogo goroda* [Mistra. Essays on the History and Culture of the Late Byzantine City]. Leningrad: Nauka.

Medvedev, I. P. (1997). *Vizantiiskii gumanizm XIV–XV vv.* [Byzantine Humanism of the Fourteenth and Fifteenth Centuries]. St Petersburg: Aleteia.

Orlandos, A. K. (1971). Quelques notes complémentaires sur les maisons paléologuiennes de Mistra. In *Art et société á Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en Septembre 1968* (pp. 72–82). Venice: Stamperia di Venezia.

Pentcheva, D. (2002). The Supernatual Protector of Constantinople: The Virgin and Her Icon in the Tradition of the Avar Siege. *Byzantine and Modern Greek Studies*, *26*, 2–41.

Poljakovskaja, M. A. (2011). *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: "teatr vlasti"* [The Byzantine Palace Ceremonial of the Fourteenth Century: "The Theater of Power"]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Regel, W. (Ed.). (1891). Epistolae Isidori hieromonachi (postea metropolitae Kijoviensis). In W. Regel (Ed.), *Analecta Byzantino-Russica* (pp. 59–71). St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.

Runciman, S. (2010). *Lost Capital of Byzantium: The History of Mistra and the Peloponnese*. London; New York: Tauris Parke Paperbacks.

Schmitt, J. (Ed.). (1904). *The Cronicle of Morea*. London: Methuen & Co.

Trapp, E. et al. (Eds.). (1978). *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* (Vol. 3). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Verpeaux, J. (1966). *Pseudo-Kodines. Traité des offices*. Paris: Editions du Centre national de recherché scientifique.

Vinogradov, A. Yu., Surguladze, M., Anokhina, T. V., & Loseva, O. V. (2001). Andrei Pervozvannyi [Andrew the Apostle]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia] (Vol. 2, pp. 370–377). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.

Vogel, M., & Gardhausen, V. (1909). *Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance*. Leipzig: O. Harrassowitz.

Woodhouse, C. M. (1986). *George Gemistos Plethon: The Last of Hellenes*. Oxford: Clarendon Press.

Zakithinos, D. A. (1950). Ideologiai sygkrouseis eis ten poliorkoumenen Konstantinoupolin [Ideological Conflicts in Besieged Constantinople]. *Nea Estia*, *47*, 794–799.

Zakithinos, D. A. (1953). *Le despotat grec de Morée* (Vol. 2: Vie et institutions). Paris: L'Hellènisme contemporain.

Zverev, A. S., & Popov, I. N. (2017). Mistra. In *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia] (Vol. 45, pp. 412–419). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.

Кущ Татьяна Викторовна
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва,
Ленинский пр., 32а
E-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana Viktorovna
Dr. Hab. (History)
Chief Researcher
Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
32A Leninskii Ave, Moscow, 119334, Russia
Email: tkushch@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9097-5466
Scopus AuthorID: 57214235683
WoS ResearcherID: H-9248-2017